

ТОПОНИМ КАК ПРЕДМЕТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В последние десятилетия все больший интерес ученых вызывают топонимы как слова, отражающие историю материальной и духовной культуры народа. Создана серия ономастических словарей, авторами которых являются как лингвисты, так и историки (см., например: Словник гідронімів України.— Київ: Наукова думка, 1979; Матвеев А. К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь.— Свердловск, 1980; Попов А. И. Следы времен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей.— М., 1981; Прохоров В. А. Липецкая топонимия.— Воронеж, 1981; Туркин А. И. Краткий коми топонимический словарь.— Сыктывкар, 1981; Кривошекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья.— Пермь, 1983; Дерягин В. Я., Дерягина З. С., Манихин Г. И. Топонимика Кенозера. Ч. I, II.— Архангельск, 1987; Чайкина Ю. И. Словарь географических названий Вологодской области.— Вологда, 1993 и др.).

Во многих словарях наглядно отразились достижения ономастической науки. Во-первых, такие теоретические вопросы, как место топонима в лексике и языке, функционирование топонима, его структура, связь с историей и культурой народа. Во-вторых, связь с другими лингвистическими и нелингвистическими дисциплинами: географией, историей, этнографией, краеведением, этнолингвистикой, фольклором, текстологией, источникovedением и др. Так, в "Словаре географических названий Вологодской области" Ю. И. Чайкиной лингвистическую часть предваряют исторические сведения: административно-территориальная характеристика, локализация объекта, употребление ойконима в памятниках письменности, историко-этнографические сведения и т. п. Достаточно подробной является и лингвистическая часть, где приводятся толкования appellativов, от которых образованы имена собственные, объясняются значения географических терминов, легших в их основу, даются различные точки зрения на этимологию топонимов, сведения по эволюции самих селений. Словарь Ю. И. Чайкиной — свидетельство живой связи ономастической теории и практики, ибо без изучения топонимической системы Вологодской области создание такого словаря было бы невозможно.

Зачастую топонимические словари имеют региональный характер, что является следствием специфики топонимического материала.

Несмотря на определенную информативность топонимических словарей, в них нашли отражение лишь монодисциплинарные исследования. В последнее же время все больший интерес вызывают комплексные методы исследования и описания ономастического материала. Так, сторонники широкой единой гуманитарно-естественной географии (Б. Б. Родоман, В. Л. Каганский, В. Н. Калуцков) считают объектом исследования культурный ландшафт в целом, ибо "культура является существенным аспектом ландшафта, а ландшафт — средой, сферой и ценностью культуры" [1]. При таком подходе ландшафт делится на антропогенный (с базовыми составляющими: территории, типические черты, измененная природа) и культурный (базовые составляющие: место, уникальность, культура). Географические объекты — часть ландшафта, поэтому такой подход может быть использован и для анализа топонимов. В лексикографической практике данная теория только начинает преломляться. Создан "Гуманитарно-экологический словарь-справочник народной географии Пинежского края (пинежские названия речных, селитебных, сельскохозяйственных, лесных, болотных и дорожных мест)". (Каргопоры, 1995 г. Автор — В. Н. Калуцков). Это первый опыт толкового ландшафтно-топонимического словаря, методологической основой которого является комплексный подход. Разумеется, при таком подходе важна цель, которую преследуют авторы топонимического словаря. Это может быть исторический словарь, если в нем будет дан обзор названий и вариантов с древних времен до современных диалектных транскрипционных записей. Возможно составление нормативных словарей, обращенных к проблемам нормализации современных литературных форм названий объектов. В них нашла бы отражение одна из важнейших проблем ономастической лексикографии — выбор заглавного варианта. Вероятно, в связи с затруднениями, которые возникают при попытках дать однозначную словообразовательно-морфологическую трактовку, в топонимических словарях нередко отсутствуют грамматические пометы, ударения, вариантные формы.

Комплексные методы исследования позволяют отметить специфику региональной топонимики, связанную с историко-культурным развитием края. Так, северная топонимия включает элементы, важные для реконструкции древних отношений между славянскими и финно-угорскими племенами. Она многослойна (названия, оставленные пранасельниками края, финно-угорскими аборигенами и рус-

скими), время возникновения названий самое разное: от древности (VIII—IX вв.) до современности. Процессы топонимизации также различны: кальки, полукальки, субстратные, заимствованные, отыменные и т. п. Комплексный подход необходим еще и потому, что изучение субстратных топонимов возможно лишь в рамках территориальных систем, для чего важно "создание детальной лингвоэтнической карты Русского Севера на период, предшествовавший обрусению заволочской чуди" [2]. Поскольку такая карта еще не создана, актуальным остается вычленение и изучение топонимических микрорегионов той или иной территории. Без этого невозможно составление полного топонимического словаря.

До сих пор при подготовке топонимических словарей ставились сугубо практические задачи: этимология названия, локализация объекта, варианты (иногда), историческая справка об объекте.

На наш взгляд, топоним имеет динамическую (процесс топонимизации) и статистическую (функционирование в языке) стороны. Динамический аспект порой содержит непредсказуемое и не всегда объяснимое, не поддающееся систематизации. Поэтому в топонимических словарях этот аспект освещается поверхностно или вообще опускается.

Думается, объектом описания топонимического словаря должен стать статистический аспект топонима. И субстратные топонимы в таком словаре — факт русского языка, а именно: древнерусского (отраженные в памятниках письменности до XIV в. включительно), старорусского (отраженные в документах XV—XVII вв.) и новорусского (с XVIII в.). Отсюда, например, субстратный топоним ТОЙМА должен квалифицироваться как древнерусский, поскольку в форме ТОИМА он упоминается в Уставной грамоте 1136/1137 гг. [3].

Динамический аспект топонимов должен стать предметом специального изучения, ибо топонимия коренного населения на Севере адаптировалась русскими в различных формах, а сам факт калькирования многих русских названий нельзя доказать.

Предметом специального изучения и систематизация являются также географические и административно-территориальные термины. Они представлены в топонимических словарях, так как в процессе топонимизации могут стать частью топонима или самим топонимом. Однако не все проблемы, связанные с детерминологией, нашли отражение в специальных региональных топонимических словарях, ибо затрагивают динамический аспект топонимов. Так, в "Словаре географических названий Вологодской области" Ю. И. Чайкиной [4] топоним КУЛИГА (деревня Липовского с/с Кирилловского р-на)

объясняется как восходящий к слову "кулига", имеющему в древнерусском языке значения "росчисть, полянка, пожня в лесу", "излучина, крутой изгиб реки" (с. 185). Однако деревня с таким названием впервые упоминается в грамоте конца XV в., то есть слово является старорусским, и значения могли быть и такие: "луг между оврагами", "поле среди лугов", "покос между дорогами", "островок на реке вблизи берега", "залив на реке или озере". Название поселка Алмозерского с/с Вытегорского р-на ВОЛОКОВ МОСТ в указанном словаре восходит к термину "волок", который в древнерусском языке имел значение "дорога в лесу между судоходными реками, по которой перетаскивали суда и грузы" [4, с. 74]. Но документ, в котором впервые упоминается это название, не указан, поэтому неясно, термином какого языка следует считать слово "волок", а значит, значения его могут быть и другими, а именно: "перешеек между двумя реками, где переволакивают лодки или товар с них", "гужевой путь от селения до селения", "переезд, перегон лесом", "дневной переход охотника", "пойма", "луг, заносимый во время разлива наносами", "поёмные луга", "низинный берег", "мыс" и т. п.

Таким образом, отражение динамического, а не статистического аспекта топонима в словаре может привести к необоснованным выводам.

Следует отметить, что авторы топонимических словарей не всегда учитывают семантическое развитие заимствований. Так, в северных говорах может наблюдаться метафоризация. Ср.: вепс. горраз — "ледяной завал", "замёрзшие (по дороге) комья снега" [5, с. 480]. В севернорусских говорах слово "рупос" имеет значения: "хлам, отрепье, лохмотья", "крутой обрыв у реки", "бугор изо льда" и "быстро говорящий человек" [6]. Последнее метафорическое значение слова "рупос" и явилось, на наш взгляд, основанием для прозвища первопоселенца деревни РУПОСОВО. Однако именно это значение отсутствует в вышеуказанном словаре географических названий.

В говорах Севера имеются следы воздействия субстрата, поэтому остается актуальной проблема взаимодействия языков. Зачастую трудно определить, диалектным или заимствованным является тот или иной географический термин. Трансформация названий происходила в соответствии с законами родного языка. Могли возникнуть фонетические варианты, отражающие неодновременность заимствования (ср.: лахта — лохта, лода — луда — лойда), разные источники заимствования (ср.: рям — рём — ряма), народно-этимологическое переосмысление (ср.: "гнила" вместо "глина"). Думается, в связи с этим в топонимических словарях необходимо давать несколько вер-

сий происхождения того или иного топонима. Так, название разъезда **ЛУМБА** может восходить не только к "снежной реке" (саам. бой — "небольшая река, ручей", вепс. *lumi* — "снег") [4, с. 200], но и к саам. "лумбал" — "проточное озеро".

Наблюдается и хронологическое переосмысление слов, подвергшихся процессу топонимизации. Некоторые из живых диалектных единиц превращаются в топонимические форманты, часть терминов расширяет свою семантику. Так, на Севере "гора" — это все, что выше уровня моря, "остров" — это и суши, окруженная водой, и полуостров, и лесная делянка, и сухая возвышенность на болоте. Имеются и специфические для Севера модели семантической деривации. Например, "белый" — 1) свободный от податей (если речь идет о земле), ср.: д. Белощелье, поле Белое Поле; 2) чистый, прозрачный (если речь идет о воде), ср.: Белая Речка, р. Белая; 3) светлая, малоплодородная почва (если речь идет о пашне), ср.: д. Белопашино. Таким образом, возникает проблема множественной мотивации, что должно найти отражение в словарях. Так, название губы **РУГОЗЕРСКАЯ** (грамота 1541 г.) могло восходить к старорусскому "руга" — церковная земля и угодья, отведенные на содержание; к карельск. "туга" — смола, живица (берега, покрытые сосновым лесом) и к этониму "руги" (племя ругов или рогов). А название деревни **БЕРЕЗНИК** могло возникнуть не только потому, что рядом находился березовый лес, ведь "березником" на Севере еще называли участок, очищенный от березового леса.

Очень важным при составлении словаря топонимов становится выявление принципов топонимизации, так как русские топонимы могут быть образованы в результате метонимии от адаптированных финно-угорских названий по русским словообразовательным моделям. Например, от двух субстратных наименований **КУРОСТРОВ** и **ПОЛКОСТРОВ** образован гидроним **КУРОПОЛКА**, р. И даже наименование с яркой внутренней формой может быть отражением традиций. Так, названия с. **КОНЕВО** или д. **КОНЬ-ГОРА** восходят не обязательно к древнерусскому мужскому личному имени Конь, как считает Ю. И. Чайкина, а могут быть культовыми, ибо некоторые племена, проживавшие на Севере, почитали конь-камень и приносили ему в жертву коня (ср.: о-в **КОНЕВ** на Ладожском озере). Деревня **ЗИМНИЦА** могла получить свое название не по месту зимнего временного поселения в лесу, в поле (зимовье), а по месту нахождения на севере или сезонному промыслу, ибо "зимний" и "летний" на Севере означают стороны света и сезонные промыслы. Вот почему важен комплексный подход.

В нашей работе мы привлекали иллюстративный материал "Словаря географических названий Вологодской области", так как именно этот словарь наиболее полно отразил достижения ономастической науки. Однако, как показал анализ словарных статей, необходимы дополнения и уточнения.

Таким образом, в топонимических словарях наблюдается смешение динамического и статистического аспектов топонима, не всегда учитываются принципы топонимизации, региональная специфика функционирования топонимов, особенности процессов заимствования.

Объектом топонимического словаря должен стать топоним в статистическом аспекте. При составлении словаря необходим комплексный метод исследования, основанный на целом ряде принципов, а именно: гуманитарном (соотнесение фольклорного и топонимического материалов), историко-экономической целесообразности (выбор признака зависит не от свойств объекта, а от исторических причин), социальной обусловленности (та или иная топооснова принадлежит определенной общности людей), географических реалий, экологического (топонимические названия — это целостная устойчивая, длительно существующая система пространственных представлений о природных предметах и явлениях), целостности (учет исторического опыта освоения и взаимодействия с природой), демографической структуры региона, хронологии его формирования, морально-этических традиций и т. п.

В топонимическом словаре, на наш взгляд, должны быть сведения следующего характера: пространственно-географическое местоположение объекта по привязке его к другим географическим объектам и частям света, этимология и семантика названия, памятник письменности, где впервые упоминается топоним, история названия, его варианты, народные легенды о происхождении названия, использование топонима в фольклоре.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Культура в ландшафте и ландшафт в культуре // Наука о культуре: Итоги и перспективы. Вып. 3. М., 1995. С. 2.
2. Матвеев А. К. Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // Вопросы языкоznания. 1989. № 1. С. 78.
3. Матвеев А. К. Архангельская русская топонимия на северо-востоке Европейской части СССР // Вопросы языкоznания. 1987. № 2. С. 67.
4. Чайкина Ю. И. Словарь географических названий Вологодской области. Вологда, 1993.
5. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. С. 480.
6. Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв. Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинградское отд. Ин-та языкоznания АН СССР).